

была целая серия взрывов, в том числе в столице Пенджаба Лахоре. Конфликт приобретает уже характер национального. Вся политическая элита, в том числе президент, — пенджабцы. А бои идут там, где живут преимущественно пуштуны. Это неблагоприятная задача — поставить под контроль ту или иную часть Пуштунистана, в первую очередь такие регионы, как Северо-Западная провинция или так называемая Зона племен федерального управления, или сейчас долина Сват. При бывшем президенте Пакистана Мушаррафе ситуация в Пакистане была более или менее регулируемой. Американская идея сменить Мушаррафа на Зардари как на более управляемого только ухудшила ситуацию. У Зардари явно не получается держать ситуацию под контролем. Другая идея американцев — реформировать так называемую межведомственную разведку Пакистана, на которую ложилась большая часть проблем с «Талибаном», — также провалилась. Они так ее реорганизовали, что, судя по всему, сейчас вообще непонятно, кто что там контролирует. Кстати, в армии и спецслужбах Пакистана очень много генералов и офицеров пуштунского происхождения, что тоже может иметь определенные последствия.

Пакистан расположен значительно ближе к России, чем к США. Между Пакистаном и Таджикистаном есть узкий Ваханский коридор (в самом узком месте — всего тридцать километров). В свое время это была специально созданная буферная зона между Российской и Британской империями. За ним начинается Таджикистан — государство, с которым у нас безвизовый режим.

Возможно, это цинично, но **надо дать американцам увязнуть в пакистанских делах**. Американцы все равно не решат пакистанскую проблему. И вряд ли китайцы будут вмешиваться. Они вообще проводят взвешенную политику по отношению к тому же Афганистану. Например, их Синцзянь-Уйгурский автономный район граничит с афганской провинцией Бадахшан. Но **китайцам и в голову не приходит предоставлять свою территорию для базы американских союзников по НАТО, оказывать помощь в переброске грузов**. А Россия участвует в переброске грузов целым рядом крупных авиакомпаний, такими как «Волга — Днепр». Причем не только по северному маршруту, через Россию, но и по западному, через арабские страны, с выходом на Турцию, Закавказье и Среднюю Азию, и даже по южному. Китайцы же поддерживают отношения с властями Афганистана. Поэтому **пусть господин Бжезинский развивает свои идеи об американско-китайском союзе за счет исключения России, они обречены на провал**.

Много говорят о миграционной угрозе, которую Китай представляет для России. По разным данным, у нас проживает от двенадцати до пятнадцати миллионов мигрантов. Но, по моим подсчетам, только в государствах Центральной Азии, Закавказья и Казахстане проживает около семи с половиной миллионов русскоязычного населения. При этом российские программы по переселению не работают. Между тем, используя их, можно было бы предоставить возможность русскоязычному населению для переселения на Дальний Восток и в Сибирь. ■

Специально для РЖ

ИРРАЦИОНАЛЬНЫЕ СТРАХИ КАЗАХСТАНА — ПОТЕНЦИАЛЬНЫЙ ПЛЮС ДЛЯ РОССИИ

ЮРИЙ СОЛОЗОВОВ —
руководитель Центра «Международная энергополитика»
Специально для РЖ

Одна из явных проблем Шанхайской организации сотрудничества в том, что ее отцы-учредители понимают задачи организации по-разному. Китай с самого начала воспринимал ШОС как инструмент своего легального проникновения в Центральнoазиатский регион. Страны этого региона с удовольствием приняли такой формат, потому что это позволило им создать хоть какие-то правила игры с огромной сверхдержавой. Россия же планировала ШОС как инструмент формирования многополярного мира. В перспективе — новый внешнеполитический блок в Евразии.

Но сегодня Пекин считает, что благодаря его растущей экономике и армии позиция Китая в рамках ШОС победит всегда. Отсюда **единственный шанс для России — увеличение политического потенциала ШОС**, что и записано в новой Национальной стратегии до 2020 года. Это означает активное подключение к ШОС Ирана и Индии. Однако здесь возникает ряд трудностей, в частности взаимные конфликты между Индией и Китаем, Пакистаном и Индией.

Против быстрого расширения ШОС выступает наш стратегический партнер Казахстан. Его устраивает ситуация зафиксированного баланса сил. Рос-

сия должна терпеливо разъяснять Казахстану, что нельзя придерживаться такой стратегии в долгосрочной перспективе — это приведет либо к доминированию Китая, либо к девальвации ШОС до слабого регионального союза. Баланс сил на бумаге не зафиксируешь!

Касательно отношения Казахстана к Китаю. Де-факто **присутствие Китая в экономике Казахстана ничтожно мало по сравнению с той долей, которую Пекин мог бы там иметь**. Видимо, политическая элита Казахстана мыслит не только меркантильными интересами, но и историческими категориями. К примеру, был этап джунгарской резни, когда казахский этнос мог быть физически уничтожен, что послужило основанием для обращения к русскому царю. В Казахстане все помнят, что за джунгарцами тогда стоял Китай, который стремился освободить себе жизненное пространство для расширения. Наши политики недооценивают этот, может быть, иррациональный исторический страх. **Боязнь российского политического класса, что завтра китайцы будут рулить по всему Казахстану, не более чем досужие разговоры**. Да, китайцы имеют доли в казахских фирмах, присутствуют в сырьевом секторе, но Астана пускает их туда крайне аккуратно и дозированно. ■